

Музыка и судьба

Ekaterina VALEVSKAYA
At the piano
with Alla Petrovna

Memoirs about Alla Petrovna Maslakovets (1905–1986) — pianist, pupil of Maria Yudina, general piano teacher at the Leningrad State Conservatory in 1938–1976.

Key words: Leningrad Conservatory, Alla Maslakovets.

Екатерина ВАЛЕВСКАЯ
За роялем
с Аллой Петровной

Воспоминания о А.П. Маслаковец (1905–1986) — пианистке, ученице М.В. Юдиной, преподавателе общего курса фортепиано Ленинградской государственной консерватории (1938–1976).

Ключевые слова: Ленинградская консерватория, А.П. Маслаковец.

Алла Петровна Маслаковец появилась в моей жизни неожиданно. В 1958 году я оканчивала музыкальное училище, и мой педагог по фортепиано Ида Григорьевна Стучинская считала, что, поступив в консерваторию, я должна совмещать два факультета — теоретико-композиторский и фортепианный. Ей почему-то было непонятно, что человек, имеющий все основания получить диплом пианиста, стремится стать музыковедом. А я еще в четвертом классе решила, что буду заниматься историей музыки. Наверное, я бы все-таки оказалась в классе И.А. Браудо, к которому Ида Григорьевна меня «сватала», если бы не категорический запрет на совмещение, последовавший от тогдашнего декана теоретико-композиторского факультета Т.Г. Тер-Мартirosяна. Не знаю, чем это решение было вызвано, вероятно, оно касалось именно студентов первого курса.

Распределили меня к А.П. Маслаковец, но, прежде чем явиться к ней в класс, я выслушала немало странных отзывов от старшекурсников: «Не ходи к ней! Она тебя засушит!» и тому подобное. Я не стала обращать внимание на эти глупости.

И вот я в мрачноватом девятнадцатом классе на втором этаже. А.П. Маслаковец всегда работала только там. Мы познакомились. Большие серые, очень внимательные глаза, крупноватые черты лица, никакой косметики, волосы убраны в узел на затылке, одета очень строго (и всегда так). Большие пальцы обеих рук — в маленьких кусочках пластыря (ее постоянно мучили трещины,

то же было и у М.В. Юдиной, как рассказывала Алла Петровна). Она помнила меня по вступительному экзамену, попросила поиграть. Я сыграла Третью сонату Бетховена. Алла Петровна отозвалась положительно, хотя сказала, что играю жестковато. Как это — «жестковато»? Меня это зацепило. Тогда я еще не знала, как от этой «жестковатости» (как я считала, мнимой) меня будут лечить!

И начали мы с ней заниматься. Первое задание — концерт Глазунова, до-мажорный этюд Шопена и, конечно, Бах. Я подумала, что неприлично явиться на первый же урок с не выученными наизусть пьесами (это же консерватория!), и пришла в полной готовности. Это было тактической ошибкой (шутка!) — на общем курсе фортепиано студенты так не поступают! И моя судьба была решена: «коготок увяз...». Раз можешь, а еще и делаешь — значит, с тебя в сто раз больше и спросят! Сразу скажу: за все пять лет я не пропустила ни одного занятия, ни разу не отпросилась. Такое даже в голову не могло прийти (хотя часто было некогда, ведь я, как и многие студенты консерватории, работала — бегала по урокам, ассистировала органисту М.Б. Шахину, потом преподавала в музыкальной школе, на пятом курсе — на Радио). Личность моего педагога внушала огромное уважение и оказывала на меня прямо-таки магнетическое воздействие... Схалтурить, что-то не приготовить можно было где-то в другом месте (не без этого!), только не здесь. Если бы меня попросили найти человеческое

воплощение понятия «преданность музыке», я бы сказала: «Это — Алла Петровна Маслаковец».

Еще в музыкальной школе на Садовой, дом 32, в классе замечательного музыканта Елены Самойловны Гугель мне были даны первые уроки отношения к музыке. Она ставила ноты на пюпитр и говорила: «Вот музыка, которую написал великий композитор, изволь соответствовать!» Алла Петровна ничего такого не произносила — все было понятно и так. Ее работа над каждым звуком вызвала в памяти миф о Сизифе. В ее сознании стоял идеальный звуковой образ, к которому надо было приблизиться. И на каждом занятии мы несчетное число раз каждым пальчиком «взбирались на эту гору», а потом опять вниз, и опять сначала, и еще раз, и еще, и еще... Иногда за час мы проходили не больше страницы, а то и всего две-три фразы. Мы освобождали мышцы руки, делали различные упражнения — некоторая «зажатость» у меня действительно была. И — что греха таить! — ощущение избыточности такой работы присутствовало. Но клавиши начинали действительно петь — при абсолютно раскрепощенной руке, и эта свобода давала возможность сыграть все что угодно: и кантилену, и технически сложную пьесу любого стиля (от Гайдна до Прокофьева). Работа шла над каждым звуком, как я уже говорила, при этом педагога совершенно не беспокоило, как будет выглядеть произведение целиком. По крайней мере, со мной это было так. Она говорила: «Вы же сами все понимаете и чувствуете!». И действительно, все получалось как будто само собой (а на самом деле — именно потому, что была такая углубленная работа над звуком).

У Маслаковец учились музыковеды, композиторы, оркестранты: Ирина Шумейко, Эвелина Дулаева, Вячеслав Наговицын, Галина Савоскина, Маргарита Рейниш, Александр Белоненко, Валерий Алтухов. В свое время у нее занималась Екатерина Александровна Ручьевская. Из поступивших в консерваторию уже значительно позже меня назову Елену Мельник (Якубовскую), Наталью Сниховскую. Алла Петровна стремилась всех приобщить к своему отношению к звуку, а для этого нужно было поработать! Не все понимали необходимость такой работы. Кто-то действительно старался, некоторые из уважения терпели, а кто-то и манкировал. Конечно, занималась она со всеми по-разному. У кого она находила пианистические способности — вот тому и доставалось «по полной программе»! Одна студентка постоянно рыдала на уроках, что раздражало Аллу Петровну — она считала это дурным тоном, крайней несдержанностью. Один ее ученик-композитор «спасался» тем, что начинал тянуть время: восхищенно рассказывал ей о произведении, над которым они работали, анализировал гармонию, веселил разными историями об авторе музыки, наигрывал отрывки из других произведений — и все это с ярким армянским акцентом и восторженными восклицаниями, с жестикуляцией и богатой мимикой. Все в классе хохотали. Алла Петровна не прерывала его, тихонько улыбалась. Когда он выдыхался и замолкал, она говорила: «Ну, давайте теперь попробуем это сыграть!» И на первой же ноте следовала остановка...

В своих студентах она видела не учеников, а уже сложившихся музыкантов, которых нужно только направить по правильному пути. Но уж очень тернистым был этот путь!

На втором курсе Алла Петровна предложила мне сыграть в ансамбле с Эллой Дулаевой (она училась курсом старше) соль-диез минорную прелюдию и фугу С. И. Танеева для двух фортепиано. Экзамен был у Эллы, поэтому основное внимание педагога было приковано

Фото А. П. Маслаковец
из архива Е. А. Ручьевской
любезно предоставлено Н. И. Кузьминой

к ней. Прелюдия требовала проникновенности звучания, а фуга, написанная в темпе presto, — настоящий вихрь! По воскресеньям, не в такой людной и шумной, как обычно, консерватории мы с Эллой репетировали, добиваясь идеальной синхронности в этом сумасшедшем темпе. И на экзамене сыграли блестяще.

Сколько было переиграно за годы учебы! Гайдн, Моцарт, Шуман, Брамс, Лист, Чайковский, Рахманинов, Шостакович, Прокофьев, Равель, Дебюсси и постоянная триада — Бетховен, Бах и Шопен.

Когда наша семья переехала на Петроградскую сторону, я бывала у нее дома. Она жила в большой квартире на углу Геслеровского (Чкаловского) и Левашовского проспектов: с мужем — инженером Василием Васильевичем Григорьевым, братом — Юрием Петровичем, известным ученым, доктором физико-математических наук, сотрудником Института А. Ф. Иоффе и соратником И. В. Курчатова, и его женой — художницей Ириной Владимировной. Их квартира располагалась в двухэтажном доме, отгороженном от улицы высоким деревянным забором; за ним открывался небольшой сад — зеленый уголок старой петербургской окраины. Но эта идиллия скоро кончилась. Там началось строительство, и их

переселили в две квартиры, расположенные на одной площадке на улице Текстилей (сейчас — улица Вишневого). На кухне у А.П. Маслаковец висела репродукция картины Ван Гога «Едоки картофеля». Во время блокады Алла Петровна оставалась в Ленинграде, и отношение к еде в этой семье было особое — как и у всех блокадников. Она рассказывала, что в блокаду работала на Радио, там же и жила — в Доме Радио на Итальянской (в то время — улица Ракова).

Бывала я у нее и на даче в поселке Грязно под Сиверской, недалеко от Рождествено. Набоковские места — перелески, полянки, река Оредеж. Они построили там два дома, и жили эти две пары, как и в городе, рядом. Юрий Петрович разводил породистых кур (огромных, с ярким черно-белым оперением), Алла Петровна выращивала спаржу. Хорошо прижились и быстро росли две стройные голубые елочки, посаженные братом и сестрой. Прекрасно чувствовал себя на даче ее любимый пес, сеттер Маврик, — добрейшее существо. Называли они это место смешным словом Вытребеньки, которое в переводе с белорусского и украинского означает «причуды». Некоторые злые языки занятия Аллы Петровны с учениками называли «вытребеньками за роялем».

Я была слишком застенчива в те годы, как-то не решалась входить в этот мир и расспрашивать о жизни и людях, с которыми им доводилось встречаться. Сейчас очень жалею об этом. Впрочем, это была болезнь времени. Мы все были очень закрыты. Кроме того, разрыв между поколениями в те годы был намного больше, чем когда-либо — прошла война, в которой все они так или иначе участвовали, а мы тогда были еще детьми.

Среди близких друзей Аллы Петровны и ее мужа был знаменитый писатель-фантаст Иван Ефремов. Бывая в Ленинграде, Ефремов останавливался у них. Алла Петровна, не отличавшаяся, по-видимому, особой любовью к кулинарии, волновалась: «Надо же что-то приличное приготовить!» Одной из тем наших разговоров с Аллой Петровной было творчество Ефремова. Но больше всего, конечно, мы беседовали о пианистах — Софроницком, Рихтере, Гилельсе, Клиберне, Гульде. Кстати: когда

я жила еще на канале Грибоедова, мне доводилось слушать Рихтера, не выходя из дома! Приезжая в Ленинград, он всегда занимался у наших соседей — в квартире семьи выдающегося литературоведа Бориса Викторовича Томашевского. Слышно было хорошо.

Алла Петровна рассказывала о Юдиной, о том, как они вместе играли «Свадебку» Стравинского. Показала мне как-то книгу о Юдиной. Там есть любопытный казус: составитель не разобрал почерка Марии Вениаминовны. В одном из писем Юдина писала, что примет участие в исполнении «Свадебки» только в том случае, «если будет играть Аллака». В именном указателе читаем: «Аллака — неустановленное лицо». Но это слово читается просто: «Аллочка» — любимая ученица Юдиной и постоянный партнер по «Свадебке» Алла Маслаковец.

Я чувствую себя виноватой, что не могла быть с ней в самом конце ее жизни — меня захлестнула страшная волна тяжелых семейных несчастий.

Однажды Алла Петровна вручила мне несколько страниц машинописного текста, озаглавленного «Памятка моим ученикам». Конечно, ей очень трудно было словами описать то, что нужно показывать за роялем. Однако, я думаю, «Памятка» заинтересует многих, кто занимается фортепианной игрой, и тех, кто помнит прекрасных музыкантов, преподавателей кафедры общего фортепиано Ленинградской консерватории — Ивана Ивановича Белоземцева, Изу Давыдовну Ханцин и мою дорогую Аллу Петровну.

Хотя музыкантская профессия у меня другая — я музыковед, этномузыколог, но по иронии судьбы первая запись в моей трудовой книжке в графе «профессия» гласит: «пианист» (первым моим рабочим местом был класс фортепиано в музыкальной школе, и секретарша так и написала, причем в мужском роде — «пианист»). Это своего рода память об Алле Петровне, о наших с ней занятиях в те далекие времена.

То бесконечное терпение, с которым она работала — ее бесценный вклад в наше отношение к музыке, к профессии, в понимание беспредельной ответственности перед великим искусством, где нужно «соответствовать» — по мере сил и даже сверх этих сил.